

РОССИЙСКАЯ ОБЩНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Полисный, национальный и цивилизационный циклы социогенеза российской общности¹

С.В. ДОБРОЛЮБОВ

В статье рассматривается социологическая интерпретация российской истории, опирающаяся на объяснение механизма последовательного роста социального формата общества, понимаемого как генезис общества.

В основе феномена социогенеза лежит конкурентная и кооперативная природа общества, обусловленная природой самого человека. Стремление людей к общению и сближению приводит к образованию ими сплоченных обществ, а стремление к конкуренции и самоутверждению – к экспансии государственной структуры, в рамках которой цикл консолидации общества повторяется. В каждом формате общность проходит предварительную, административную, универсальную и завершающую фазу развития. На универсальной фазе общность приобретает единое социальное самосознание, социальную идентичность и иерархию ценностей, с ценностью самой общности на вершине. Перенос социального самосознания и идентичности на более широкую общность связан с кризисом ценностей и идентичности, сопровождается социальной аномией и конфликтами.

Показано, что в российском случае социогенез выразился в последовательной трансформации московской городской общины сначала в полисную общность – Московское государство, затем в великорусскую национальную общность, наконец в современную суперэтническую российскую нацию. С точки зрения кризисов идентичности рассматриваются Смута, Революция, развал Советского Союза.

Ключевые слова: социогенез, административная фаза, универсальная фаза, общественное самосознание, русская нация, российская нация, евразийская общность

Вопрос о том, в какой мере историческое развитие России объективно, а в какой мере оно – результат случая или произвола исторических деятелей, всегда привлекал и будет привлекать внимание историков и социологов. Несмотря на отрицание многими историками исторических закономерностей, некоторые общие тренды трудно не заметить, какое бы теоретическое обоснование (объективистское или субъективистское) ни подводить под социальные и исторические процессы. Например, существует тенденция к росту размера обществ, что выражается, в частности, в известном *параллелизме* между европейской и российской последовательностью форматов обществ, который наблюдается, несмотря на независимое их развитие.

Начальной формой социальной организации варварских племен, рассеявшихся на территории Европы, было вождество (*chiefdom*). В дальнейшем на

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на V Российском Философском Конгрессе, Новосибирск, 28 августа 2009 г.

западе и востоке Европы начали возникать крупные этнические политии, например, франкское королевство Меровингов-Каролингов или Киевская Русь, которые позже ослабли и фрагментировались. Период феодальной раздробленности завершился усилением политий среднего размера: графств, княжеств, городских республик. Затем на разных концах Европы вновь началась централизация этнических государств, а дальнейшем возникли крупные абсолютные монархии, сформировались сложные нации и появились многонациональные империи. Тенденция к росту социального формата сегодня выражается в европейской интеграции, а в более широком аспекте – в глобализации. Такой рост социального формата нуждается в собственном объяснении.

Однако эволюционистские теории интересуются лишь качественной стороной социальных трансформаций: переходом от групп собирателей и охотников к вожеству, возникновением государства, переходом от феодальных отношений к капиталистическим, возникновением и трансформацией современной мир-системы и т.д. Между тем эти качественные трансформации также связаны и с ростом размера общества; поэтому все теории социальной эволюции рассматривают войну и территориальные завоевания как фактор, обуславливающий внутренние эволюционные изменения в обществе.

И все же, какого бы размера и социального совершенства ни достигали общества, они рано или поздно распадаются. Историки объясняют такого рода динамику посредством цивилизационных теорий, выдвигая различные обоснования (преимущественно идейно-психологические) жизненного цикла цивилизаций [Данилевский 1995; Шпенглер 1993; Тойнби 1990]. Хотя существуют и другие обоснования периодических коллапсов обществ, например, Дж. Тайнтер [Tainter 1990] связывал их с переусложненностью общества, Л.Н. Гумилев [Гумилев 1998] с утратой пассионарной энергии, Д. Голдстоун [Goldstone 1991] с перепроизводством элит, которое ведет к периодическому переструктурированию общества. Именно трансформация мальтузианской модели в структурно-демографическую позволила развитие математического моделирования истории [Турчин 2007; Кортаев и др. 2010; Капица 2010]. Обнаруживается и разнообразие других циклических процессов – от колебания экономической конъюнктуры [Кондратьев 2002] – до колебания глобального политического лидерства [Модельски 2005].

Однако вопрос о том, имеет ли социальная цикличность собственно социальную природу остается открытым. Ведь сами по себе процессы демографического роста, истощения ресурсов, снижения потребления не являются циклическими; цикличность им придает реакция на них общества. А общество – это *активная* (саморефлексирующая и деятельная) система, стремящаяся компенсировать влияние негативных тенденций.

В российской истории также обнаруживаются, помимо кондратьевских и структурно-демографических циклов [Нефедов 2005], периодические конфликты элит [Пивоваров, Фурсов 1999], волны либеральных и авторитарных «реформ-контрреформ» [Ахиезер 1995; Пантин, Лапкин 1998] и т.д. Не отвергая влияния этих и аналогичных факторов на социальную динамику, я все же хочу привлечь внимание к циклическому процессу иного рода – расширению формата общества и периодической смене социальной идентичности. Этот процесс имеет собственно социальную природу и опосредуется психологией самого человека.

Социальные свойства человека и групповые формы сознания

Теоретические подходы к рассмотрению социальных явлений имеют тенденцию к поляризации и их можно размещать на ординатах *объективизм – субъективизм, система – индивид, структура – действие* и т.д. Подходы основателей социологии являлись объективистскими и системными. Затем появились интеракционистские, феноменалистские, этнометодологические подходы, идущие к объяснению социального от внутреннего мира человека, от его способности к свободному выбору, от открытости социальных изменений и т.д. Однако ни одна из полярных парадигм не может окончательно вытеснить другие и лишь обогащает социологический инструментарий.

Современная теоретическая социология стремится к синтезу парадигм и сбалансированным субъектно-системным подходам [Александр 2007; Бурдье 2007; Гидденс 1999; Штомпка 1996 и др.], хотя в современном обществе этот баланс все больше сдвигается в сторону деятельностно-активистского понимания человека и общества, которое разделяют и российские социологи [Ядов 2009; Лапин 2006].

Однако теоретический компромисс часто достигается путем переноса социальной структуры в самого человека, что приводит к ее дематериализации, например, у Э. Гидденса и П. Бурдье, а затем и к отрицанию закономерностей и социальной эволюции у Э. Гидденса. Социология все же не может соединить очевидную свободу человека на микроуровне со столь же очевидной реальностью социальной структуры, которую трудно не заметить при макровзгляде на результаты свободной деятельности людей.

Между тем способность к свободной деятельности, понимаемая как *agency*, связана лишь с произволом в выборе; сам же выбор всегда ограничен. Именно ограничение выбора (в том числе посредством его формулирования и понимания самим актором) оставляет определенный, т.е. *детерминированный* для индивида «ландшафт» возможностей, в котором он осуществляет *свободные* перемещения. При этом ограничение выбора может быть как собственным, т.е. внутренним (в структуралистском либо конструктивистском понимании), так и внешним (через применение санкций или власти).

Действительно, в обществе существует принуждение и институированная сила, внешняя человеку, но человек также может добровольно и инициативно реализовывать этот внешний ему порядок, если он легитимирует его. К примеру, древние общества принято рассматривать как жесткие социальные системы, построенные на принуждении индивидов. Но они также были сплоченными обществами, построенными на единстве социальных ценностей самих индивидов. Поэтому мы всегда, явно или только подразумевая это, разделяем понятие *неформальной* общности как собственно общества и *формальной* общности как административно-государственной его оболочки.

Неформальная общность связана с наличием *общественного сознания* и *самосознания*. В отношении этого понятия в социологии также существует поляризация концепций: общественное сознание либо отрывается от самого человека, как в марксизме и других холистских теориях, либо понимается лишь как отношение индивида к обществу в индивидуалистических теориях. На самом деле все социальные феномены возникают только как общие (типичные) феномены индивидов. К примеру, только одинаковость (типичность) языка разных индивидов делает язык *социальным*, т.е. *общим* феноменом.

В биологических социумах эта стереотипность (типичность) прямо детерминируется врожденными механизмами, в обществе она приобретает потенциально свободным человеком в процессе его социализации. Человек остается субъективно свободным индивидом, однако объективно его поведение оказывается стереотипным в рамках того или иного социума (в рамках того или иного пространства выбора). Для описания этой стереотипности психологи и социологи используют различные спекулятивные концепции от *архетипов коллективного бессознательного* [Юнг 2009] и *коллективного сознания* [Дюркгейм 1991] до инкорпорированных в индивидов поведенческих схем – *габитусов* [Бурдые 2007], *структур* [Гидденс 1999], *зависимости к колее* [Дэвид 2006] и т.д.

Между тем и без отвлеченной концептуализации очевидно, что стереотипное и зависимое состояние человека являются для него биологически естественными. Стереотипность сознания возникает «технологически», поскольку оно приобретает в процессе общения с другими сознаниями и состоит в заимствовании их содержания. В рамках общения стандартизируются символичные системы общения и возникают общие язык, знания, идеи, ценности, но также стандартизируются процедуры и маршруты общения и возникают общие ритуалы, традиции, а также социальные структуры и институты.

Зависимость сознания также обусловлена способом его приобретения. Нервная система формируется посредством закрепления успешной практики (от практики движений до практики мышления) в устойчивые навыки, способности, убеждения. Для этого нервная система использует механизм зависимости (рефлекторной либо психической мотивации) от успешной, т.е. повторяющейся практики. Конечно, человек может ставить цели рационально, но практикуя их достижение, он одновременно приобретает психическую (внерациональную) потребность в них. Именно поэтому некоторые цели становятся для человека ценностями.

К примеру, идейные ценности – это не просто рациональные идеи, но такие идеи, к которым человек в своей предыдущей практике сформировал привязанность, которые стали его убеждениями, верой, потребностью. Без связки с психическим мотивом всякая содержательная идея оказывается не ценностью, а лишь информацией, осведомленностью.

Поскольку социальная практика стандартизирована в обществе, то не только содержательная, но и мотивационная сторона деятельности людей – их *убеждения, устремления, желания*, и вообще вся сфера психического переживания социальной реальности, оказывается также стереотипной.

Общая (стереотипная) часть содержания индивидуальных сознаний (как в осознаваемой, так и в психической части) и есть *общественное сознание*, которое Э. Дюркгейм [Дюркгейм 1991] понимал как *коллективное сознание*. Наиболее же простые, базовые и распространенные представления формируют *массовое сознание*. При этом та часть этого сознания, которая содержит стереотипное понимание и отношение индивидов к своей общности, оказывается *общественным самосознанием*, одним из аспектов которого является стереотипная самоидентификация индивидов – их социальная идентичность. В силу формирования зависимости к практике, типичные в обществе социальные практики и само общественное сознание становятся самовоспроизводящимися, устойчивыми.

Однако сознание не только стереотипно – оно *социально зависимо*. Общество для человека это биологическая необходимость, а не рациональный выбор; вне общества он не в состоянии приобретать и поддерживать сознание. Человек как

биологический вид эволюционно приобрел потребность в обществе. На ранних стадиях индивидуального развития эта потребность выражается в инстинктивной общительности, которая уравновешена столь же инстинктивным стремлением к конкуренции. При этом конкуренция человека направлена не на выход из общества или свободу от общества, а на повышение своего статуса в нем. Человек в процессе социализации формирует уже содержательные потребности в конкуренции и самоутверждении среди людей, но также потребности в сотрудничестве и духовной близости с ними. В итоге человек неосознанно стремится к сплочению в группы, в рамках которых он минимизирует конкуренцию и максимизирует сотрудничество, но одновременно участвует в конкуренции своей группы с другими группами.

У человека появляются групповые формы идентичности или разной широты групповое *я (self)* [Tajfel, Turner 1986], которое и есть *мы*. Помимо индивидуальной идентичности, на которую опирается его конкуренция и кооперация как индивида, он также нуждается в определении границы «мы»–«они», чтобы опереть на нее свой социальный (групповой) эгоизм и альтруизм, свою потребность в кооперации и конкуренции в рамках группы. Человек противопоставляет это *мы* другим общностям так же, как противопоставляет свое *я* другим людям.

Из того факта, что общественные ценности являются *коллективными* понятиями [Дюркгейм 1991], вытекает следствие, на которое в социологии не всегда обращают внимание. Если общественное сознание содержит только общие ценности, то в нем должна существовать его собственная *общественная иерархия ценностей*, не совпадающая ни с одной из индивидуальных и построенная по другому основанию.

Она строится не только по важности [Маслоу 1999], но и по распространенности ценностей. Общественное сознание отсекает частный эгоизм индивидов в отношении самих себя, который не разделяется другими и не имеет социального (общего) эффекта, но аккумулирует стереотипный эгоизм индивидов в отношении своей общности, который имеет такой эффект. В результате общественная ценность иерархия (к примеру, национальная) имеет на своей вершине ценность самого общества, также как индивидуальная – ценность собственной жизни. Общность становится *самоценной*, а ее конкуренция с другими – борьбой за самосохранение (сохранение своей идентичности). Эту самоценность общества Т. Парсонс описывал как присущую обществу «высшую степень самодостаточности», а связанный с ней эгоизм как «контроль взаимодействия со средой в интересах своего функционирования» [Парсонс 1998].

Иерархическая связанность ценностей в системе приводит к тому, что они оказываются связанными друг с другом и с самой общностью. Семейные, культурные и социальные ценности становятся неразделимыми друг от друга; для китайцев они становятся китайскими, для европейцев – европейскими и т.д. Ценности не могут произвольно включаться или исключаться из этой иерархии; они возникают и перемещаются по ней только в результате собственной практики общества, которая является самовоспроизводящейся. Эта связанность и устойчивость ценностей и практик в обществе может описываться как его институциональная матрица [Кирдина 2001], культуруобразующее ядро или код [Пилипенко, Яковенко 1998] и т.д.

Обладая самосознанием и ценностной иерархией (самоценностью), общность приобретает свойство коллективной *субъектности*. «Поведенческие» свойства такого коллективного субъекта оказываются опосредованными типичными устремле-

ниями индивидов. Они направлены, с одной стороны, к конкуренции и доминированию над другими общностями, что толкает общность к экспансии и расширению своего формата, а с другой стороны, к сотрудничеству и сближению с людьми, что толкает общность к гармонизации внутренних социальных отношений².

Однако деятельным может быть не только *коллективный субъект*, осуществляющий типичные действия индивидов, но и *коллективный актор (деятель)*, осуществляющий организованные, т.е. коллективные их действия. Коллективными деятелями являются партии, движения, военные, политические, в том числе государственные организации, организованные элиты и т.д. Несмотря на наличие типовых образцов действий (ролей, правил и т.д.), организация (координация) действий индивидов в них всегда связана с проявлением того или иного вида *власти* [Вебер 2002] и подчинении ей. Поэтому в коллективном деятеле проявляется способность индивидов посредством власти (харизматической, традиционной, легальной) транслировать свой выбор другим. Коллективная реализация этого выбора придает группе свойство *collective agency*. Даже если организованная группа является группой единомышленников, то мы должны аналитически разделять *агентную* и *субъектную* составляющую их действий: организованность действий всегда строится на власти и подчинении индивида индивиду, а коллективная субъектность на типичности их устремлений и групповой солидарности. Именно поэтому общности могут быть неформальными (субъектными) и формальными (организованными).

Направление деятельности (развития) общества, придаваемое ему субъектом общества и выражаемое общественным мнением, массовым сознанием, стереотипами и т.д., устойчиво и консервативно, а его результаты *непреднамеренны*. Деятельность же коллективных акторов намерена (рациональна), поэтому они могут действовать как в согласии с субъектом общества, так и конфликтовать с ним.

Феномен социогенеза

Обладая субъектным самосознанием, общество стремится к расширению, а затем к консолидации в более широком формате, что порождает ненамеренный циклический процесс, который, как мне представляется, удобно называть *социогенезом* [Dobrolyubov 2009; Добролюбов 2010]. На каждом этапе расширения и консолидации общность проходит четыре фазы жизненного цикла: предварительную, административную, универсальную и завершающую. Предварительная фаза начинается тогда, когда появляются субъекты будущей интеграции, которые вступают в конкуренцию между собой. На административной фазе наиболее успешный из конкурирующих центров добивается их объединения (подчинения, завоевания) в единой административной структуре. На универсальной фазе в результате общения людей и сближения ценностей происходит формирование единого общественного самосознания (социальной идентичности) и единой иерархии ценностей с ценностью самой общности на вершине, которые утрачиваются на завершающей фазе.

² Эти две базовые потребности человека - в конкуренции и в сотрудничестве - находят идеологическое отражение в двух полярных типах теорий. Теории свободы личности и конкуренции (политический и экономический либерализм) опираются на преимущества даваемые обществу конкурентной активностью индивидов, а теории социальной солидарности (социализм, коммунизм) опираются на преимущества даваемые обществу сотрудничеством личностей. На практике же общество и личности, как и теории, *всегда* являются их комбинацией.

Таким образом, на разных фазах жизненного цикла общности социальная связанность в ней имеет разную природу. На предварительной фазе она обусловлена преимущественно связями экономических и политических элит, на административной фазе – жесткостью возникшей социальной структуры, а на универсальной фазе она становится ценностной, основанной на единстве социального самосознания и его самооценности.

Соответственно, на административной фазе общность характеризуется большей социальной жесткостью, а на универсальной фазе возникают условия для раскрепощения личности. Конечно, пределы ее свободы различны на разных уровнях эволюционного развития общества и в разных социальных традициях. Но в той или иной мере универсальная фаза всегда связана с активизацией личности, расширением ее участия в экономической, социальной и культурной деятельности. На этой фазе общество демонстрирует большую степень «интеграции» компонентов, «дифференциации» функций и «легитимации социетального порядка», т.е. выраженность тех свойств, которыми Т. Парсонс характеризовал общество. Неформальную общность на этой фазе можно также назвать *основной социальной общностью* или собственно обществом [Парсонс 1998].

Продолжительность фаз оказывается стабильной как в аграрных, так и в индустриальных обществах и составляет в среднем около 250 лет [Добролюбов 2010]. Это обусловлено тем, что социальная идентичность связана не с культурными традициями, которые более устойчивы в патриархальном обществе и менее устойчивы в современном, а с внутренним восприятием границы «мы» – «они». Вызревание и разложение этого восприятия требуют смены определенного числа поколений, хотя не исключено, что в современных условиях этот процесс может происходить быстрее.

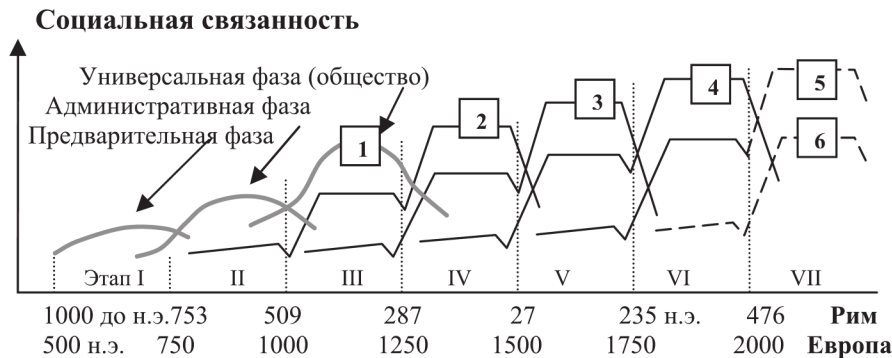
Смена фаз сопровождается конфликтами. На входе в административную фазу они являются межобщинными, т.е. внешними общностями, а при переходе в универсальную фазу они становятся внутриобщинными или гражданскими, поскольку связаны с переносом социального самосознания и идентичности на более широкий формат. Этот второй переход сопровождается кризисом идентичности, социальной аномией [Мертон 1966], ослаблением социальной сплоченности, межсословными и структурными противоречиями.

Поскольку на универсальной фазе общность достигает наибольшей внутренней сплоченности, то она оказывается и наиболее успешной во внешней конкуренции и в подчинении своего окружения. В результате на ее универсальную фазу накладывается административная фаза более широкой общности. Общность растет и последовательно административно закрепляется, а затем универсализируется в нишах городского, полисного, национального и цивилизационного форматов.

На приведенной ниже схеме (*рисунок 1*) показан полный цивилизационный цикл динамики социальной связанности, построенный на примере римских и европейских общностей [Добролюбов 2010]. Из этой схемы видно, что для всех социогенезов существует единая последовательность этапов.

Из того факта, что всякая общность проходит через административную фазу, не следует, что общество в ней всегда будет авторитарным. Социальная жесткость распространяется, прежде всего, на более широкую новую общность, в то время как более узкая и старая может сохранять социальные традиции, которые часто оказываются более устойчивыми, чем колебания социальной идентичности.

Например, когда римская республика трансформировалась в империю, то собственно италийская метрополия сохранила в ней гражданское общество, самоуправление городов, правовую защиту личности. Это же происходило в метрополиях европейских империй или городских республиках Афин, Венеции, Новгорода, которые, имея республиканскую форму управления городской общиной, жестко удерживали и эксплуатировали подчиненные провинции.

Римские общности: 1 – городская община; 2 – римский полис - Лаций; 3 – италийская нация; 4 – римская цивилизация; 5 – межцивилизационная общность.

Европейские общности: 1 – маноры и городские общины; 2 – княжества, графства, городские республики; 3 – этнические нации; 4 – суперэтнические нации; 5 – европейская цивилизация; 6 – глобальная цивилизация.

Рисунок 1. Схема цивилизационного социогенеза

Формирование общей идентичности в конечном счете связано только с интенсивностью общения, поэтому по мере социальной эволюции роль принудительных (военных, силовых) средств интеграции обществ снижается, а роль социальной и ценностной привлекательности возрастает. Предварительная экспансия государственной структуры перестает быть *условием* формирования единого общества. Наоборот, расширение интенсивного общения в определенных рамках само тянет за собой расширение институтов и структур, как в случае Евросоюза.

Место социогенеза среди других социальных процессов

Сама по себе идея роста обществ не оригинальна, я лишь предлагаю объяснение его механизма. Я также не стремлюсь свести все разнообразие социальных процессов к одному только размеру или количественным характеристикам общества. Во-первых, рост общества происходит на фоне развития технологий, культуры и социальных идей, поэтому каждый шаг в расширении социального формата приводит к обществу нового качества. Во-вторых, в обществе помимо процессов интеграции (универсализации, унификации) постоянно идут обратные процессы дифференциации (стратификации, локализации, регионализации).

Но наложение множества процессов не должно скрывать от нас самого феномена роста общества и его периодического коллапса, связанного с возможностью

или невозможностью поддержания общения в данном формате. Наиболее наглядно эта диалектика наблюдается в динамике языка. При наличии естественного языкового тренда снижение коммуникативной активности и изоляция регионов ведут к доминированию процесса расхождения языков, появлению диалектов и образованию новых языков; и наоборот, возрастание коммуникативной активности ведет к доминированию процесса универсализации языка в области коммуникации.

То же можно сказать и про этногенез, если понимать последний только как кровнородственный процесс. Родовой процесс в чистом виде является *расходящимся* процессом. Родовая общность при превышении рождаемости над смертностью растет и делится. Культурный тренд приводит к отчуждению родов, их конкуренции или миграции и в итоге к образованию новых родовых ветвей. Социальный же процесс – это всегда *интеграционный* процесс, который стал возможен только на определенной стадии разложения рода и связан с наличием формальной (государственной) социальной оболочки общества. Таким образом, этногенез крупных этнических общностей становится одновременно и социогенезом. Формирование многих наций, к примеру, французской или американской, происходило как интеграция разных этнических, а в американском случае – расовых, компонентов в рамках общей государственной структуры.

Из этого также следует, что современная *нация-государство* является исторически промежуточным форматом общества (*рисунок 1*). Нации-государства в Европе сменили *города-государства* (и аналогичного формата государственные объединения) и предваряют появление европейской *цивилизации-государства*. Оговорюсь, что понятие цивилизации используется здесь в узком значении локальной *общности* наднационального формата.

До тех пор, пока развитие социальных идей, технологий, военной силы позволяют постоянное превалирование интеграционного процесса, общество способно административно расширяться и универсализировать свое окружение. Однако все общества прошлого доходили до определенного предела, когда недостаток совершенства идей и ценностей, недостаток материального развития не позволял им обеспечить необходимую интенсивность коммуникаций и привлекательность центра интеграции для универсализации столь широкого разнообразия, и социогенез срывался.

Таким образом, *регионализация* (в ее дезинтеграционном аспекте) имеет место всегда, но она может стать доминирующим процессом лишь тогда, когда ослабевает интеграционный процесс. Регионализацией было разделение Римской империи на Западную и Восточную, феодальная раздробленность в Европе и в Киевской Руси, периодическая децентрализация Древнего Египта, Китая и т.д.

Из этого также следует, что бесконфликтный *мультикультурализм* в условиях современной конкуренции обществ возможен лишь в той мере, в какой носители разных культур в *данном* обществе адаптируют его *основную социальную* идентичность. В противном случае мультикультурализм либо ограничивается на практике административной жесткостью общества, либо ведет к регионализации самой социальной идентичности (к примеру, европейской) и, как следствие, к распаду общества и к замещению этого общества его конкурентами.

С учетом этих замечаний мы можем перейти к рассмотрению генезиса собственно российского общества. Оговорюсь, что это не историческое исследование, а социологическая интерпретация (схематизация) известных событий российской истории, в основе которой лежит выяснение взаимной динамики формата государ-

ства и формата социального самосознания (идентичности). Маркерами фазовых превращений будут служить трансформации государственной структуры и кризисы идентичности.

Древнерусский социогенез

Самосознание общности в конечном итоге выражается в том, как четко и насколько эгоистично люди определяют «кто такие *мы*». В начале древнерусского социогенеза *социальная* идентичность только зарождалась в соседской деревенской (городской) общине и конкурировала с разлагающейся племенной (родовой) идентичностью. Лишь в дальнейшем возникли более широкие идентичности: *мы* – новгородцы (московиты, тверяки), затем *мы* – русские, а сегодня наше социальное *мы* проходит болезненный процесс вызревания в общероссийском формате.

Как правило, начало новому циклу социогенеза кладет расселение варварских племен в области проживания других народов. Они начинают терять собственную родовую структуру и заимствуют элементы разрушенной культуры и ее социальных институтов. Содержанием начальной фазы социального генезиса становится появление новой деревенской/городской общины, которая развивается во взаимодействии разных этносов на фоне разложения родовых отношений. К примеру, начало греческому социогенезу положило крушение Микенской цивилизации и расселение в XII–XI вв. до н.э. дорийских племен в южной части Балканского полуострова, а начало римскому – расселение италийских племен в XI–X вв. до н.э. на Апеннингах. Начало европейскому социогенезу было также положено великим переселением народов, частью которого была миграция славян.

Однако надежная датировка начальных фаз славянского социогенеза вызывает затруднения. Например, расселение славян относят к широкому временному промежутку IV–VIII вв. н.э. [Седов 2003]. Нет ясности и в датировке появления первых городов в районе Днепра и Ильменя (см. например, [Толочко 1981; Янин, Алешиковский 1971]). Поэтому надежно опереться в схеме социогенеза (рисунок 2) мы можем только на исторически подтвержденные социальные трансформации. Такими вехами для Древней Руси являлись середина IX в., рубеж XII в. и период XIV–XV вв. На первом переломе произошло лавинообразное появление городов и их объединение в политической структуре Киевского государства. На втором переломе произошло феодальное раздробление этого политического образования. На третьем переломе начался процесс национальной консолидации, который обычно относят уже к московскому периоду истории. При этом начало социогенеза получено гипотетически, путем экстраполяции 250 летней предварительной фазы, отложенной от возникновения городов и образования Киевского государства.

Естественно, что датировка фаз полученной схемы является условной, поскольку социогенез – это медленный процесс постепенного вызревания, а затем разложения самосознания и сплоченности общностей. И уже эти свойства общности проявляются в ее победах или поражениях, внутренних кризисах, распаде государств или образовании новых.

Киевское государство (850–1100 гг.). Содержанием социального процесса на этом этапе было административное формирование городских общин, которые образовывались соседними поселениями как культовые или торговые центры. Этот

процесс маскировался появлением крупной политики – Киевской Руси (на западе Европы его аналогом является франкское королевство, возникшее уже на первом этапе социогенеза). Однако эти политики были незрелыми или так называемыми *ранними государствами*³, потому что не имели под собой общества и экономики такого формата. Племенные вожди и их дружины, контролировавшие большие территории, вынуждены были делегировать государственные функции центральной власти (фискальную, судебную, полицейскую) на нижний уровень управления, вместе с чем возникала обладавшая большой автономией иерархия управления. В Европе эта иерархия со временем начала строиться на основе договоров феодалов о сюзеренитете, а в Киевской Руси она повторяла родовую иерархию клана Рюриковичей (с этого начинали и Меровинги). Но в обоих случаях государственность оказалась рассредоточенной по этой иерархии.

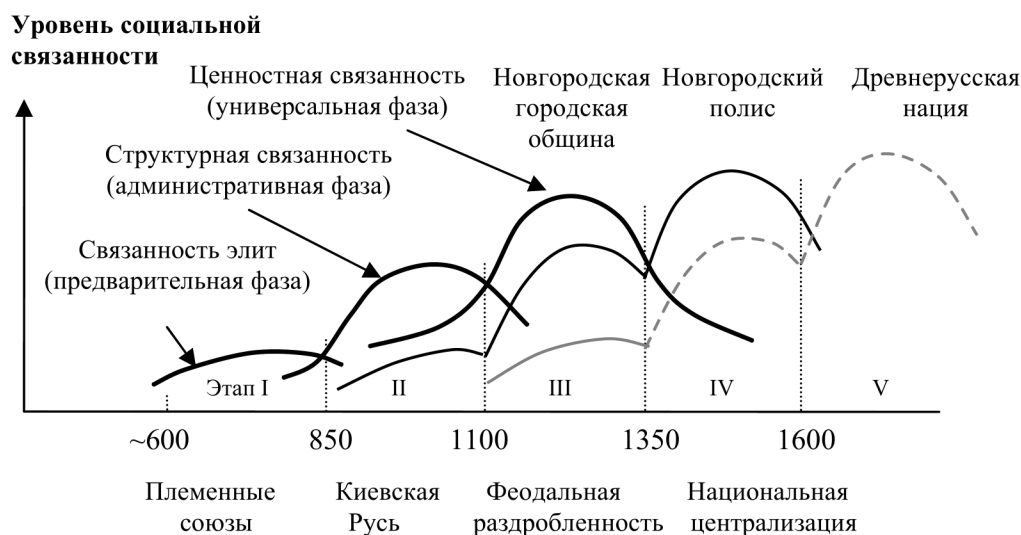

Рисунок 2. Связанность личностей в общность (на примере Новгорода)

В Европе, как затем и в России, зрелое государство появилось тогда, когда общество и экономика доросли до национального формата, т.е. к XVI в. (этап V, рисунок 1), хотя политики национального размера существовали здесь уже с V в. Но эти феодальные образования являлись административными надстройками над фрагментированной социальной структурой. Их политическое единство держалось на силе военной дружины и сохранялось пока не вызрело самосознание городов и не окрепли связи феодалов со своими землями.

На ведущую роль городской общины в начальном социогенезе указывает и очень характерное различие в киевской и новгородской версиях конфликта, приведшего к приглашению Рюрика. В киевской летописи конфликт описывается как межродовой – «и встал род на род», а в новгородской как межобщинный – «и встал град на град» [Янин, Алешковский 1971]. Новгородский летописец, знакомый с реальным ходом событий, указывает на социальную, а не родоплеменную природу интеграционного процесса. Конфликт этнически разных, но соседних поселений

³ О теории раннего государства см. [Раннее государство, его альтернативы и аналоги 2006].

словен, кривичей и, возможно, мери, которые уже были сплетены социальными и экономическими связями, привел к административному объединению их в одной городской общине и появлению *нового города* [Янин, Алешковский 1971]. Этот типичный синойкизм аналогичен объединению в 753 г. до н.э. трех латинских родов в римской городской общине. Представление о формирующей роли городов в генезисе древнерусского общества не зависит от принятия или непринятия «нормандской теории» возникновения государства.

Феодальная раздробленность (1100–1350 гг.). Переход городских общин в универсальную фазу был связан с вызреванием и универсализацией их городского самосознания. Этот процесс сопровождался раскрепощением личности в рамках городской общины, ее социальной и хозяйственной активизацией, ускорением экономического развития. Усиление городов и рост их политического самосознания вели к обострению их конкуренции и в итоге к распаду единого государства и образованию удельных княжеств вокруг сильных городов.

Самодостаточность городского самосознания проявлялась и в ценностном отчуждении городских общин друг от друга. Феодальная борьба из усобиц в княжеском клане становится противостоянием самих городов. Например, взятие Киева суздальцами в 1169 г. привело к его разграблению, чего не случалось прежде. Разграблению Киев подвергся и в 1203 г., когда его взял смоленский князь Рюрик.

Города, придя в собственное самосознание, разорвали административную надстройку единого политического образования. Если прежде клан Рюриковичей безболезненно ротировал князей на всем древнерусском пространстве, то теперь он сам вынужден был расколоться в соответствии с неформальной основой общества.

Универсализация городского самосознания проявлялись и в социальной сфере – в возрастании роли посада и усилении демократических тенденций. В Киеве и Новгороде набирают силу народные собрания, начинается практика приглашения и изгнания князей самими городами. Социальные кризисы становятся конфликтами внутри общества, а не между родами или соседними поселениями, как это было на входе в административную фазу. В Киеве знаковым стало восстание 1113 г., которое носило явно социальный характер; его результатом явилось законодательное ограничение долгового рабства и финансовых спекуляций [Вернадский 2002, с. 105]. В Новгороде ключевым моментом был кризис 1136 г., который привел к установлению в городе республиканской формы правления. Аналогичные ограничения долгового рабства и переход к аристократической республике происходили на этой фазе и в классических полисах – Афинах и Риме. Эти кризисы следовали за ростом ценностной и социальной сплоченности городской общины.

К началу монгольского нашествия (1237 г.) Русь была разделена на удельные княжества, которые являлись формальными общностями, поэтому сопротивление монголам не могло стать общенародным движением. Городские общины хотя и защищали стойко свои города (например, Козельск), но по отдельности были неспособны остановить нашествие.

Монгольское завоевание задержало начало национальной централизации Руси, но мы можем судить об этом процессе по ее соседям – Польше, Литве, Чехии, где национальная консолидация началась в XIV в., и по Западной Европе, где этот процесс шел уже с XIII в. (*рисунок 1*).

Замечу здесь, что если бы в середине XIV в. древнерусское этническое поле не было расчленено и не оказалось в составе разных суперэтнических образо-

ваний – русско-ордынском и литовско-польским (а именно тогда начиналась административная фаза образования нации), то в древнерусской этнокультурной нише возникли бы не три, а одна нация в тех рамках, в которых ее охватило бы централизованное государство, кто бы ни был его центром – Киев, Вильна или Москва.

Расцвет и закат полисных государств (1350–1600 гг.). Естественно, что речь идет не о полисном типе политического устройства, а о полисном размере общества. Этому формату соответствовали и русские удельные княжества, которые имели признаки городов-государств [Вернадский 2002, с. 215]. Наиболее характерным из них был, конечно, Новгород, который к середине XIV в. подчинил себе огромную территорию и представлял собой социально-экономическую целостность. Но в этот период также стали усиливаться Москва, Тверь и другие центры. К примеру, в Пскове рост полисного самосознания привел к тому, что в 1348 г. он добился независимости от Новгорода, которую потерял в 1510 г., после присоединения к Москве.

Переходу новгородского полиса в универсальную фазу предшествовало его территориально-структурное реформирование. Оно происходило в XII–XIII вв., когда постепенно к трем старым концам города Славенскому, Неревскому и Людинову добавляются два новых – Плотницкий и Загородский, что приводит к формированию пятичастной структуры полиса, включавшей концы города и волости (пятины). Граждане пятин приписываются к городским концам, как в Риме граждане латинских общин приписывались к городским римским трибам. Возникает также колониальная северо-восточная часть, управляемая всем городом, противостояние с которой сдерживалось до конца XIV в. [Вернадский 2002, с. 220].

Консолидация полисного самосознания происходила в ходе ценностного и социального кризиса, преодоление которого в классических полисах приводило к более широкой демократии в рамках более широкого самосознания и идентичности. Однако для Новгорода трудно указать одно событие, идентифицирующее этот кризис, поскольку во второй половине XIV–начале XV вв. Новгород столкнулся с целой чередой социальных конфликтов. Тем не менее характерные признаки такого кризиса обнаруживаются в появлении многочисленных ересей, усилении роли социальных низов, обострении борьбы «лучших» и «меньших» людей, радикализации веча.

Экспансия городов-государств на этой фазе приобретала характер национальной централизации. Территории Новгородской земли и Московского государства достигли на этой фазе размеров крупнейших государств Европы. В их пределах фактически шел процесс формирования великорусской нации, однако в Новгороде он не имел соответствующей идеологии. Неспособность Новгорода к лидерству в национальном объединении связана как раз с тем, что он являлся ярко выраженным торговым полисом. Такие полисы развиваются преимущественно за счет ремесла и торговли; их приоритетной ценностью является собственное экономическое процветание. И другие классические торговые полисы, например, Афины или итальянские средневековые республики, сходили с исторической сцены именно на этапе национального объединения, поскольку не могли предложить своему этнически родственному окружению более универсальных ценностей. Применительно к российской истории только мессианская идея русского единства и общей православной веры могла давать Москве идейные силы для национального объединения и подрывала силы других центров сопротивляться ей.

Когда началось формирование национального самосознания, то в полисных центрах появились силы, поддерживающие объединительную политику. Не без их поддержки Новгород в 1478 г. включается в состав Московского государства. Почти сразу же новгородские боярские роды подвергаются репрессиям и переселяются в московские земли. В 1570 г. в результате опричного разгрома, носившего характер этнической чистки, новгородская общность как носитель особого новгородского самосознания прекращает свое существование.

Ордынский разворот политической практики. Древнерусская политическая практика имела черты сходства как с античной полисной демократией, так и в поздний период с западноевропейским сюзеренитетом [Вернадский 2002, с. 233]. Здесь постепенно шел процесс расширения свобод и прав городов и феодалов. Вечевая практика в некоторых случаях приводила к образованию городских республик. Помимо Новгорода и Пскова упоминаются также Полоцк и Хлынов [Вернадский 2002, с. 220], которые в отдельные периоды управлялись вечем и боярскими думами. Этот процесс в Европе привел к появлению Великой хартии вольностей (1215 г.), возникновению парламента в Англии (1265 г.), Генеральных штатов во Франции (1302 г.). На Руси, где социогенез шел с отставанием от западноевропейского (рисунки 1 и 2), этот процесс был сорван включением русских княжеств в политическую структуру Золотой Орды.

Здесь важно то, что распространение в обществе новых политических практик (демократических и деспотических) всегда идет сверху вниз. Например, в Европе правовая защита личности последовательно распространялась сначала на узкий круг королей и их родственников, затем феодалов, затем на некоторые городские сословия, пока этот процесс не охватил всего общества и не распространился на женщин, инвалидов, сексуальные меньшинства и т.д.

На Руси после 1237 г. процесс распространения политического деспотизма также пошел сверху вниз. Сначала великие князья были унижены и оказались в произвольной власти ханских баскаков. Затем этот произвол был перенесен на отношения высших феодалов, которые окончательно лишились правовой защиты личности в правление Ивана IV. Затем свободу потеряли дворяне (вместе с крестьянами), когда были прикреплены к земле. К XVIII в. все российские сословия оказались в разной форме закрепощенными [Миронов 2003]. Дальнейшее ужесточение крепостного права привело к тому, что этот политический авторитаризм, двигавшийся сверху, сомкнулся с традиционно-патриархальным и пропитал все социальные отношения.

То, что сельское население как в Европе, так и на Руси изначально было бесправным, не играло решающей роли в этих процессах. Оно не было первичным источником ни политического деспотизма, ни политического либерализма, который может распространяться только от узких элит к более широким, а затем к обществу.

В результате российское сознание, исторически являясь христианским «родственником» европейского, сегодня является его *социальным антиподом*. Бытовой авторитаризм сознания (также как демократизм в Западной Европе) стал уже устойчивым свойством общественного сознания, т.е. типичной и воспроизводящейся в поколениях внутренней привычкой и потребностью людей. Разнообразие социальных отношений в обществе, например, отношения родители–дети, учитель–ученики, начальник–подчиненные и т.д., преимущественно ориентированы на авторитет, команду, послушание, контроль и недоверие и мало

ориентированы на самовыражение, свободу, инициативу, доверие и ответственность. Малые сообщества (семья, детский сад, школа, научные, государственные и пр. учреждения) оказываются миникопиями общества – в них есть авторитарный управитель, командная система, пассивное и отчужденное от управления «население».

Конечно, на рост авторитаризма оказывали влияние и другие факторы, например, суровые климатические условия [Милов 2001], опережающий рост государства. Однако различие политической практики Новгорода и Москвы демонстрирует, что фактор социальной традиции несравнимо более значим.

Российский социогенез

В российском социогенезе можно также обнаружить последовательную трансформацию московской городской общины сначала в московскую полисную общность, потом в великорусскую национальную, затем в российскую суперэтническую и, наконец, в цивилизационную евразийскую (рисунок 3). Этот процесс оказался немного сдвинутым от киево-новгородского в силу более позднего освоения славянами северо-восточной периферии, которая стала новым ядром национального, а затем цивилизационного генезиса.

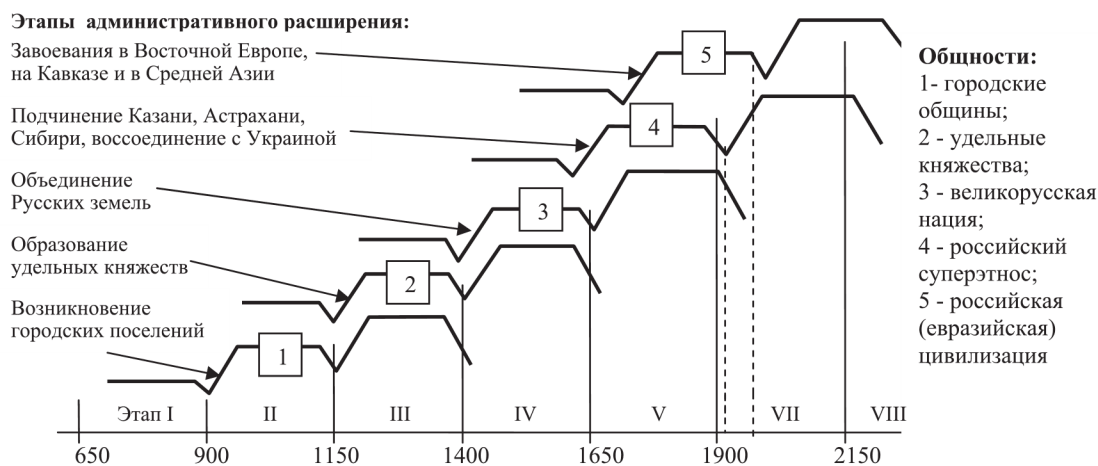

Рисунок 3. Циклы социогенеза российских общностей

Городские общины на русском северо-востоке. Предварительная фаза (650–900 гг.) началась вместе с проникновением славян в этот регион. *Административная фаза* (900–1150 гг.) проявилась одновременно с возникновением городских поселений. Косвенным, хотя и не всегда надежным индикатором образования городской общины, может служить первое летописное упоминание о городе или о строительстве его укреплений. Так, для Владимира – это 990 г., для Ярославля – 1010 г., Твери – 1015 г., Москвы – 1147 г., Костромы – 1152 г. Переход в *универсальную фазу* (1150–1400 гг.) сопровождался консолидацией городских общин, которая привела к феодальной раздробленности.

Московская полисная общность. Сплочение городской общины позволило князьям, опиравшимся на сильные города, начать процесс подчинения городского окружения, хотя внешне этот процесс выглядел как фрагментация более крупных феодальных политий. Для полисной общности этот период являлся *административной фазой* (1150–1400 гг.), связанной с возникновением удельных княжеств как независимых государственных образований: Владимирского (1157 г.), Ярославского (1218 г.), Тверского (1241 г.), Московского (1246 г.), Костромского (1247 г.).

Переход полисных общностей в *универсальную фазу* (1400–1650 гг.) произошел вместе с вызреванием их самосознаний. К примеру, жители московского государства образовали на этом этапе самодостаточное московское общество, в котором его жители обладали особой московской идентичностью и патриотизмом.

Русская (великорусская) этническая национальная общность. Как и в случае других общностей, начало ее *предварительной фазы* (1150–1400 гг.) связано с появлением субъектов будущей национальной консолидации – удельных княжеств в качестве административных образований и началом их конкуренции. Те славянские и финно-угорские народности, которые с этого предварительного этапа участвовали в общерусском политическом процессе и, кроме того, оказались впоследствии в административных границах Московского государства, составили тело будущей великорусской нации. В нее, кроме этнических славян, также вошли весь, меря, чудь, мурома и другие неславянские народности. Последние генетические исследования показали, что в северной части великорусской народности финно-угорская генетическая компонента даже преобладает над славянской [Balanovsky 2008].

Административная фаза (1400–1650 гг.) началась с резкого расширения Московского государства за границы удельного княжества. Наиболее активно этот процесс шел с 1366 по 1479 гг. Это расширение, начавшись как приращение феодального удела, вскоре приобрело значение национального объединения русских земель. Национальный смысл обрели перенос в Москву митрополичьей кафедры (1326 г.), победа на Куликовом поле (1380 г.), деятельность Сергия Радонежского (умер 1392 г.), «Троица» Андрея Рублева (1411 г.), идеология «Москвы – третьего Рима» (1523 г.). Территория Московского государства быстро достигла национальных размеров, однако вплоть до XVII в. национальная общность носила административный характер. Это наглядно демонстрирует состав Земских Соборов XVI–XVII вв., которые, формально являясь представительством всей земли, на деле всегда оказывались собранием *московского* боярства, дворянства и духовенства [Ключевский 1993, т. 2, с. 108].

Экспансия государственной структуры потребовала и реструктуризацию элиты. Этот кризис привел к политическому расколу московской элиты, репрессиям Ивана IV и введению опричнины. В оценке опричнины существуют две крайности: одна – субъективистская – сводит ее к личности Ивана Грозного, а другая – объективистская – к экономическим (преодоление вотчинного землевладения) или социальным (борьба с боярством) причинам. Однако сами эти институты опричнины как раз не затронула [Кобрин 1989]. На деле существовало объективное противоречие интересов национальной и московской общности. Появление у московского государства национальных задач требовало новой организации (или самоорганизации) национальной элиты.

Между тем, боярские роды – это потомки князей и бояр, перешедших на службу к московскому великому князю как к сюзерену и поменявших удельную

самостоятельность на феодальные привилегии. Их бывшие уделы оставались опорой их влияния, во-первых, потому что боярские кланы оставались в них крупнейшими вотчинниками, а во-вторых, потому что эти же бояре сидели в московских приказах, ведавших их бывшие уделы [Ключевский 1993, т. 1, с. 457]. Сложилась формально централизованная, но на практике, *по традиции*, вертикально-параллельная система, в которой удельные правители лишь перебрались в Москву и отсюда коллегиально, вместе с великим князем, обслуживали свои интересы.

Бояре поддерживали объединительную политику князя и готовы были оставаться опорой единого государства. Но они не хотели отказываться от своей, сложившейся еще в московский период, *традиционной* хозяйственной автономии (по существу удельной) в рамках национального государства. Отсюда и характерное требование к Ивану IV править «по старине», т.е. в согласии с боярами и коллегиально, которое можно обнаружить в письме А. Курбского или в деле Берсена [Ключевский 1993, т. 1, с. 473]. Таким образом, поддержка ближних бояр была не безусловной, а личной и добровольной, т.е. *обусловленной* сохранением их традиционных личных «удельных» привилегий.

Между тем, завоевание Казани не только открыло путь в Сибирь и привело к конфликту с Крымом, но изменило весь комплекс задач национальной власти. Возникла потребность в постоянной армии, в строительстве засек и охране южных рубежей, в освоении Сибири, в выходе к морям, в войне с Ливонией и т.д. Эти задачи требовали концентрации ограниченных ресурсов, поэтому интерес центральной власти начал конфликтовать с хозяйственной и политической автономией ведущих боярских фамилий.

Устраняя не боярские роды или вотчинное землевладение, но отдельных влиятельных бояр с вершины властной вертикали или обменивая их вотчины, царь изменял не институты, а их содержание, т.е. управленческую *традицию* с удельной (коллегиальной) на централизованную (авторитарную). При этом уже в период «Избранной Рады» он пытался опереть основание этой централизованной системы на земство, которым было провинциальное дворянство. Дворяне держали государственную землю за службу и поэтому являлись опорой государства уже без всяких условий. Таким образом, опричнина смещала опору власти с ближнего круга лично преданных царю феодальных баронов на все дворянское сословие, т.е. расширяла ее социальную базу до национального формата.

Похожий конфликт элит происходит на каждом шагу расширения общества; им обусловлены репрессии римских императоров в отношении сената или европейских абсолютных монархов в отношении крупнейших феодалов. Старая и узкая элита, на которую королевская власть опиралась в национальной консолидации, всякий раз сама становилась препятствием в построении национальной системы управления.

Такой конфликт элит выглядит как конфликт многочисленной «голодной» элиты с малочисленной «сытой» и рассматривается Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым [Пивоваров, Фурсов 1999] как шаг в «разворачивании» на все общество особого вида деспотической «русской власти»⁴.

⁴ Периодическое переформатирование элит и социальной структуры понимают также как революции служилого сословия [Hellie 2005], как длинные модернизационные циклы [Вишневецкий 1997], как 200-300-летние «вековые» структурные циклы [Turchin, Nefedov 2009] и т.д. Эти циклы называют *грозненским* (иногда – *московским*), *петровским* и *сталинским* (*советским*). Не исключая наличия самих этих процессов, заметим, что они проходили в рамках обществ разного формата и всегда оказывались вложенными в фазы их генезиса (рисунок 3).

Этот процесс действительно имело место, поэтому в репрессиях этого периода можно видеть их отличие от европейских аналогов. Оно проявляется в видимой *немотивированности* репрессий, которая вытекает из возведения царского *произвола* в идеологический, сакральный императив. Этого пункта Иван IV много раз и в разных контекстах касался в переписке с А. Курбским, например, – «жаловать своих холопов вольны и казнить вольны» [Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным 2001, с. 37]. Даже родственники царя стали его бесправными холопами. Лишение элиты правовой защиты личности устраняло сам источник, из которого в Европе распространялась правовая практика и росло гражданское общество. Наличие полюса абсолютного произвола придало власти свойство «моносубъектности» [Ливоваров, Фурсов 1999]. Появление *самодержавия* и есть момент окончательного слома древнерусской политической традиции и закрепления ордынской.

Однако сам по себе *абсолютизм* является лишь инструментом консолидации элит, поэтому он часто, хотя и в разной форме востребуется элитами на этапах национальной и суперэтнической (Англия, Франция) централизации обществ. К примеру, Польша в условиях роста украинского национального самосознания также встала в XVII в. перед задачей удержания суперэтнической общности. Но польская элита не смогла пойти путем усиления (абсолютизации) королевской власти и централизации государства (чему были и объективные причины) и лишилась возможности формировать собственную суперэтническую нацию, хотя достигла высокой степени полонизации украинских, белорусских, литовских элит [Ключевский 1993, т. 2, с. 209].

Переход к *универсальной фазе* (1650–1900 гг.) национального общества был связан со сменой полисной идентичности на национальную. Он также сопровождался чередой кризисов: смутой, расколом, реформами Петра. И для многих других обществ кризис рождения нации (переход к V этапу социогенеза) также оказывался мучительным и продолжался более столетия. Например, для Рима он охватывал гражданские войны и трансформацию в империю, а для европейских наций – Реформацию и религиозные войны (*рисунок 1*).

Кризис трансформации полисного самосознания в национальное наиболее явно проявился во время Смуты начала XVII в., когда сплоченность московского полиса ослабла, а национальное единство еще не вызрело. Однако Московское государство, войдя в кризис административной национальной общностью, вышло из него уже неформальной общностью – Русским государством. Общенациональный характер общности проявился в ополчении 1612 г., которое было не только мелкодворянским и посадским, но и провинциальным, причем из тех провинций, которые позже других были включены в состав Московского государства – Нижний Новгород (1392 г.), Ярославль (1463 г.), Рязань (1520 г.) и др.

После Смуты активизировался процесс национальной универсализации великорусского сознания. Из языка исчезают знаки особой московскости: *московское* государство, *московское* боярство, *московское* войско и т.д. – все становится *русским*. Великорусская нация приобрела на универсальной фазе ценностную сплоченность, опора на которую позволила российскому государству освоить Сибирь, подчинить Среднюю Азию, Кавказ, значительную часть Восточной Европы.

Национальная сплоченность давала потенциальную возможность смягчения социальной жесткости. Важнейшим препятствием этому стало то, что еще до вызревания неформальной национальной великорусской общности государство расширилось за пределы проживания великороссов. Россия встала перед той же

проблемой, что и Римская республика, когда та столкнулась с необходимостью административного удержания чуждой периферии и трансформировалась в империю. В России, помимо распространения естественной административной жесткости на провинции, преждевременное расширение породило проблему исхода сельского населения из старой метрополии. Государство, не имея под собой общества, могло обеспечивать свою целостность на этом переходе только феодальным инструментом – службой ему дворянского сословия, которое являлось его военной, политической и экономической опорой. Поэтому необходимость удержания экономической базы – податного населения – в месте расположения поместья дворянина привела к исторически быстрому введению крепостного права. Хотя начальный толчок политическому деспотизму был дан из Орды, но теперь он уже имел внутреннюю опору, поскольку появилась положительная обратная связь – экспансия государства истребовала социальную жесткость общества, а та облегчала дальнейшую экспансию государства.

Частью кризиса идентичности были религиозный раскол и реформы Петра. Раскол был вызван тем, что русская элита отказалась от своей церковной традиции ради ее унификации с украинской, изолированной от нее более 300 лет. Но и петровские реформы были связаны с кризисом в элите, но уже в светской части. Еще П.Н. Милюков [Милюков 1905, с. 545] заметил, что петровские реформы были не социальными и даже не экономическими, а преимущественно культурными. Объектом и одновременно субъектом модернизации (европеизации) являлось одно только дворянское сословие, поэтому реформы привели к культурному расколу русского социума. Высшее сословие из особого в социальном отношении стало особым и в культурном отношении. Возникло параллельное *русское европейское* общество, которое оказалось отделенным от собственно русского социума пропастью *культурного отчуждения*. Следы этой двукультурности и отчужденности элиты и народа сохраняются и сегодня [Ахиезер 1995].

При всех позитивных сторонах модернизации культурный барьер между условиями predeterminedил два фатальных последствия для России. С одной стороны, он привел к культурной и социальной стагнации и консервации традиционного русского социума, поскольку тот потерял свою элиту. А элита, востребуя элитарные формы национальной культуры, только и может быть локомотивом развития этой культуры. Русский социум, оказавшись без элиты, встал в оборонительную позицию к европейскому двойнику, замкнулся в себе, стал охранителем традиции, копировщиком старого. С другой стороны, культурный барьер стал препятствием для будущей социальной универсализации самой элиты в этом социуме.

Реформы не дали высшим сословиям экономических инструментов развития, но культурно разделив общество, они намертво связали крепостное право с возможностью поддержания дворянством своей европейской культурной идентичности [Милов 2001]. Возникло парадоксальное противоречие: европеизированная элита всеми силами сопротивлялась европеизации и модернизации русского социума; она охраняла общину от новшеств и активно распространяла деспотизм на этот социальный уровень. Последовательно опираясь на дворянское сословие, государство столь же последовательно делегировало помещику все больше своих управленческих и полицейских функций, пока не передало крестьянина в полную личную собственность помещику. В правление наиболее либеральной императрицы Екатерины II помещики получили право продавать крестьян без земли

и даже разделять семьи (1765 г.), что привело к трансформации института *крепостного права* в институт *рабовладения*.

Этот процесс имел и обратную сторону, которую А.С. Пушкин выразил фразой: «не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Культурное отчуждение формировало у русского народа отношение к высшим условиям как к *чужим* и снимало этические барьеры у обеих сторон, что предопределило необычную жестокость Гражданской войны, в результате которой европеизированные высшие сословия и интеллигенция были физически уничтожены или эмигрировали.

Вместе с тем сегодня нет и той великорусской нации, которая существовала до революции. Сегодня существует уже суперэтническая *российская нация*, которая формировалась в ходе революции и Гражданской войны, сталинского террора и Великой Отечественной войны и которая впитала в себя как петровскую европейскую, так и советскую интернационалистскую прививку.

Российская (суперэтническая) национальная общность. В определении *российская* мы отделяем ее от предшествующей великорусской (моноэтнической), а в определении *национальная* – от следующей за ней цивилизационной. Иначе говоря, это промежуточная общность между собственно великорусской нацией и российско-евразийской цивилизацией. Она является аналогом сложных суперэтнических европейских наций таких как французская или британская с тем отличием, что ее формирование идет со сдвигом более чем на сто лет и, кроме того, она не только полиэтнична, но и поликонфессиональна.

Предварительная фаза (1400–1650 гг.) российской национальной общности началась тогда, когда административно оформилась великорусская общность в рамках Московского государства, которая начала конкуренцию и общение с окружающими ее политическими образованиями. *Административная фаза* (1650–1900 гг.) состояла в объединении этого окружения в едином государстве. Этот процесс начался, как отмечалось ранее, со значительным опережением, еще до взoreвания великорусского самосознания. Подчинение в 1552 г. Казанского, затем Астраханского и Сибирского ханств открыло возможность для быстрого (в течение ста лет) освоения Сибири. Вместе с воссоединенной в 1654 г. левобережной частью Украины эта общность образовала административную основу современной российской общности.

Поскольку *российская* общность являлась полиэтничной и поликонфессиональной, то, когда на рубеже XX в. она подошла к кризису перехода в *универсальную фазу* (1900–2150 гг.), формирование единого российского самосознания оказалось возможным только вместе с разложением и секуляризацией великорусского. Именно поэтому политически активизировались этнические элиты. Часть из них стремилась к самоопределению своих наций, а часть – к этнической универсализации общего российского общества. Интеллигенты-инородцы стали активными участниками социалистических движений и партий [Миронов 2003] и на раннем революционном этапе составили новое ядро интернационалистски (коммунистически) ориентированной советской интеллигенции.

Из этого вовсе не следует, что революция и Гражданская война были навязаны России инородцами. В России зрел и великорусский социальный (классовый) конфликт, но он также был связан с кризисом идентичности, поскольку был конфликтом двух культурно отчужденных частей нации. Когда великорусское национальное самосознание ослабло, то русский крестьянин перестал ощущать свою

национальную связь не только с царем и помещиком, но также с интеллигенцией, что очень точно заметил И.А. Ильин [Ильин 1992]. Отсутствие такой связи выразилось, в частности, в том, что крестьяне жгли имения великих русских поэтов, писателей, музыкантов, начиная с А.С. Пушкина, которые для них всегда оставались только «господами».

Но цель русского крестьянина не простиралась дальше сжигания барской усадьбы и получения своей земли. Лишь потому что революция была и кризисом вызревания суперэтнической общности, она объективно оказалась направленной на преодоление великорусского характера этой общности. Поэтому целями новой элиты стали мировая революция, интернационализм, дружба народов, борьба с церковью, борьба с великорусским шовинизмом. Под эти цели консолидировалась интернационалистская элита не только русского, но и других народов России.

Революция и Гражданская война ускорили процесс социальной универсализации российской общности, который мог бы идти и в других условиях и с меньшими жертвами. Он сопровождался большевистским террором, смертью миллионов людей, но объективно вел к определенному социальному результату. Коллективизация и индустриализация разрушили традиционную деревню и направили миллионы людей в многонациональные города. Промышленное освоение Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, затем война, эвакуация и привлечение в армию молодежи разных национальностей повысили этническую мобильность. Вместе с утерей религиозности это вело к преодолению социальных, культурных, религиозных барьеров между православными, мусульманами, иудеями и т.д.

Последствием этого кризиса стало вызревание новой общности, которую в советское время называли «советский народ». Однако действительно неформальное ядро этой общности включало в себя только ту часть, которая административно сформировалась к середине XVII в. Эту общность этнические русские и совместно проживающие с ними народы Поволжья и Сибири, восточные украинцы и белорусы воспринимали как единую и *свою* общность. Если до революции эта общность была расколота сословными и этническими границами, то после войны она представляла собой социальное и ментальное единство.

Если бы Советский Союз был ограничен этой узкой суперэтнической общностью, то после Второй мировой войны на основе ее ценностной однородности и универсальности социального самосознания открылась бы возможность и для политической либерализации общества. Такую либерализацию даже пытались проводить российские элиты во время хрущевской оттепели и горбачевской перестройки. Однако либерализация неизбежно вела к распаду более широкой и оставшейся формальной, административной цивилизационной общности и к череде национальных конфликтов в ней. Это противоречие между опережающим расширением формальной общности и отставанием неформальной, которое сохраняется в России на протяжении длительного исторического периода, является одной из причин циклов реформ-контрреформ [Пантин, Лапкин 1998], в ходе которых российская властная элита балансировала между необходимостью либерализации общества и опасностью его распада.

Таким образом, это не просто борьба свободы с авторитаризмом, она связана с целостностью государства. На данной же фазе социогенеза целостность России становится *самоценной*. Ее возможный распад пойдет по иному сценарию, нежели распад Советского Союза, Британской империи или Югославии; этот процесс

не сможет остановиться и «зацепиться» за мононациональный формат. Русское самосознание ослаблено и уже потеряло свою самоценность, которая переходит на российское самосознание (это судьба всех имперских наций, которые раньше других изживают эгоизм своего самосознания), поэтому собственно *русская* государственность в исторической части России уже невозможна. Дальнейшая фрагментация российской социальной структуры, если она начнется, будет для русского этноса уже полной (как при распаде Западной Римской Империи) и приведет к заполнению этого пространства множеством более мелких внешних структур. Такая фрагментация будет сопровождаться феодализацией большей части этой территории и социальной примитивизацией ее субъектов (в смысле утери европейскости, современности), потому что сегодня именно русская культура и социальная практика являются тем стволем, на котором держится эта современная социальная компонента культуры других российских этносов.

Однако с точки зрения самосознания Россия в современных границах имеет слабое место – Северный Кавказ. Северокавказские народы были включены в состав Российской империи в ходе Кавказской войны 1817–1864 гг. Они еще не обрели общего самосознания и социальной идентичности с остальной российской общностью. Следовательно, если исходить из необходимости 250-летней фазы для вызревания единого самосознания, они смогут образовать неформальную общность с российской около 2050–2100 гг., для чего понадобится разрешение кризиса социальной идентичности. Это не будет означать, что кавказские народы потеряют свою этнокультурную или религиозную идентичность, они лишь станут понимать всю российскую общность как *собственное общество*. При этом трансформация самосознания будет взаимной, поскольку и российское сознание должно будет интегрировать их как *своих*. Если Россия пройдет этот кризис, то откроется возможность устойчивого существования неформальной общности в ее современных границах.

Можно также обратить внимание, что современные границы отсекали от российской суперэтнической общности некоторые ее неформальные части. Сегодня не только Россия с Северным Кавказом, но и другие новые «национальные» государства, прежде всего, Украина, также не являются едиными нациями. Они неизбежно оказываются административными и формальными общностями в отношении отдельных своих частей.

К примеру, современный украинский этнос не является единой нацией, поскольку не имеет общего *социального* самосознания. С точки зрения социальной идентичности Украина делится на три части: восточную (воссоединенную с Россией в 1654 г., куда можно отнести и юг), центральную (присоединенную в результате разделов Польши в 1772–1795 гг.) и западную (присоединенную в 1939–1945 гг.). При этом украинское социальное самосознание имеет два полюса. Восточная часть украинского этноса имеет выраженное общее с русскими *суперэтническое* самосознание, т.е. понимает себя как часть более широкой, чем этнически украинская или великорусская, общности. Западная часть того же этноса в силу исторических обстоятельств имеет более выраженное национальное самосознание, хотя она также имеет, хотя и менее выраженную суперэтническую польскую составляющую. Это различие проявляется в политической поляризации электората: восток голосует за пророссийскую политику, запад – за антироссийскую (и прозападную). Это различие связано не с разным отношением к демократии и авторитаризму, оно лишь отражает исторически сложившееся различие в социальной идентич-

ности. Взаимное отчуждение западного и восточного украинских сознаний может возрастать в условиях обострения геополитической (цивилизационной) борьбы за Украину между Западом и Россией, но с другой стороны, со временем оно должно естественным образом преодолеваться при нахождении в единой административной оболочке.

В самой же Европе идет процесс изживания эгоизма национальных самосознаний и смещение суверенитетов на общеевропейский уровень. И здесь ничего не изменит текущий европейский кризис. Каким бы болезненным не было возможное падение Еврзоны и евроконструкции, результатом преодоления кризиса будет осознание европейцами необходимости еще более глубокой интеграции и создания наднациональных структур.

Российская (евразийская) цивилизационная общность проходила административное формирование в процессе войн уже петровской России, сначала со Швецией (1703–1721 гг.), а затем и другими европейскими державами и Турцией (1770–1870 гг.). В нее вошли правобережная и западная Украина и Белоруссия, Молдавия, Польша, Прибалтика, Финляндия, Закавказье, Северный Кавказ, Средняя Азия. Эту общность можно назвать *евразийской*, указывая тем самым на проходящее в ее рамках сближение восточно-европейских, кавказских и центрально-азиатских народов.

Однако цивилизационная консолидация и универсализация может происходить только вокруг ядра, обладающего социальной и культурной привлекательностью, прежде всего, для тех или иных элит. Пока в России существовало внутреннее европейское общество и европеизированная элита, пока Петербург был одним из лучших европейских городов, а русский двор одним из самых блестящих в Европе, российская ориентация не отторгалась элитами тех народов, которые исторически развивались в европейской традиции. Но после разрушения европейского субобщества собственно российское общество перестало быть родственным для них. При этом, конечно же, оно остается привлекательным для многих других, прежде всего, среднеазиатских элит, для которых движение в сторону России является движением по европейскому цивилизационному вектору. Но уже для украинских и даже белорусских элит высокая культурная и социальная близость с Россией перестает нести цивилизационную смысловую нагрузку. Эти элиты, впрочем, также как и российские заморожены более привлекательной и универсальной европейской социальной реальностью. Если в XVII в. Украина от Польши прильнула к России из-за цивилизационной угрозы окатоличивания, то сегодня в секуляризованной Европе этой угрозы уже нет и она вновь льнет к Европе.

Интересен, конечно же, вопрос, существует ли русская (или российская) цивилизация, отличная от европейской? Если смотреть на него с точки зрения генезиса общества, то существует. Европейские нации (моноэтнические и суперэтнические) формировались в близком общении друг с другом на своих административных фазах в период XIII–XVIII вв. (этап IV и V, *рисунок 1*). Это общение позволило им сформировать общие религиозные, культурные, социальные практики и общую рефлексивную идеологическую надстройку, которую они понимают как цивилизационную и которая является основой сегодняшней европейской интеграции. Великорусская же нация, являющаяся ядром российского суперэтноса, формировалась в период XV–XVII вв. (этап IV, *рисунок 3*) в полной социальной изоляции от Западной Европы, в контакте с татарами, степными, се-

верными и сибирскими народами, т.е. в другом межнациональном окружении, но также и в другой деспотической социальной традиции. Но сама эта особенность социальных практик не является цивилизационной; ею могут обладать и нации, и полисы, и племена. Такая особенность становится функционально цивилизационной лишь тогда, когда она оказывается в центре интеграционного процесса и принадлежит ядру, вокруг которого формируется более широкая общность. А Европа и Россия являются исторически разными центрами межнациональной интеграции и, следовательно, разными цивилизациями. Поэтому, с точки зрения своего генезиса, евразийская цивилизация существует по той лишь причине, что имел место факт длительного общения азиатских и российских народов в рамках Российской империи и Советского Союза, что предопределило сближение их культуры, ментальности, социальных представлений и появление определенного социального «мы».

Евразийская общность не очень четко выражена в силу ее неоднородности и растянутости во времени формирования. Кроме того, она из-за упомянутого опережения почти накладывается на российскую (рисунк 3). Российское самосознание, еще не вызрев само, сталкивалось с необходимостью своего преодоления в рамках цивилизационного. В результате российская общность теряла четкость восприятия границ своей идентичности и стремилась к слиянию с евразийской, в известном смысле эти общности «мешали» друг другу и растягивали кризис смены фаз.

К концу XX в. некоторые части национальных элит начали приобретать общую советскую (российско-евразийскую) цивилизационную идентичность, что создало иллюзии у советских лидеров об уже обретенном ценностном единстве советских народов. Однако даже незначительного ослабления административной жесткости, которая компенсировала недостаток ценностной привлекательности метрополии, оказалось достаточно для развала Советского Союза. Можно также обратить внимание на то, что сдвиг между суперэтническим (1917 г.) и цивилизационным (1991 г.) кризисами (рисунк 3) приблизительно соответствует сдвигу в административном формировании самих этих общностей.

Оказалось, что российская общность и ее элиты в 1991 г. не обладали достаточно выраженным самосознанием и, более того, не обладали необходимыми социальными (и в этом смысле, интеграционными) идеями, чтобы удержать евразийскую общность в единой государственной структуре и вести ее через длительный кризис идентичности в *универсальную фазу*. Народы бывшего Советского Союза, не завершив формирования общего самосознания, не имеют сегодня собственной потребности в образовании формальной общности вновь. Однако евразийская общность *пока еще* сохраняется неформально в той мере, в какой она опирается на частично вызревшее цивилизационное самосознание. Вопрос о дальнейшей судьбе российско-евразийской общности остается открытым и связан он со способностью ее ядра к цивилизационному лидерству.

Пример Европы показывает, что в современных условиях цивилизационная общность может формироваться и без предварительного административного объединения, но условием продолжения евразийского процесса является наличие привлекательного ядра интеграции.

Цивилизационный вызов. В интеграции соединяются два разных смысла цивилизации (цивизованности и социальной общности). Цивилизованность общества придает ему свойство *интеграционного притяжения*, что позволяет ему

формировать вокруг себя более широкую цивилизационную общность. В этом смысле интеграция синоним цивилизации.

Пока Европа не была деятельной цивилизационной общностью (этап V и VI, рисунок 1), а оставалась сообществом деятельных (т.е. конкурирующих) наций, Россия в цивилизационном смысле была в безопасности. Но, формируясь как целостность, Европа бросает цивилизационный, т.е. ценностный и одновременно интеграционный вызов своему окружению.

Россия пока остается, хотя и слабым, но цивилизационным центром (читай интеграционным). Это место цивилизационного ядра не может быть занято никем другим, потому что именно Россия скрепляет евразийскую общность своим культурным и политическим притяжением. Если убрать это ядро, то евразийской общности не станет, а на ее месте пройдут границы размежевания между другими цивилизационными центрами. В силу одного этого Россия остается мишенью для конкурентного давления со стороны других цивилизационных центров, которые будут стремиться идеологически «отщипывать» от ее родственного окружения один кусок за другим с тем, чтобы «добить» ее как интеграционный центр. По этой же причине Россия не может быть принята ни в одно объединение, построенное по цивилизационному признаку (ЕС, НАТО), по крайней мере до тех пор, пока не станет «нормальной» страной, т.е. пока не лишится собственных интеграционных амбиций.

Но Россия не может и отказаться от борьбы за свое родственное окружение, потому что место *цивилизационного полюса* не является рациональным выбором элит, оно досталось России исторически и стало частью ее социального самосознания, т.е. самопонимания своей общности. Это порождает парадоксальную раздвоенность теоретической и политической рефлексии российских элит – они стремятся дистанцироваться от европейского политического ядра, обнаружить свою особость и *самость*, но в то же время, будучи европеизированными, тянутся как мотылек к свету к европейской культуре и ценностям. Поэтому в элитах совмещается любовь и ревность к Европе, антизападническая риторика и риторика европейских ценностей и т.д.

Главный цивилизационный вызов России бросает не ислам и не Китай, а Европа. И пока России нечего ответить на этот вызов, ее цивилизационная (интеграционная) роль в своем окружении будет ослабевать. В современных условиях, когда сила идей становится значимее силы оружия, геополитические успехи российских элит (трубопроводы, рынки сбыта ресурсов, сохранение ядерного потенциала, техническая модернизация и т.д.) могут лишь замедлить этот процесс, но не развернуть его. Для собственного цивилизационного лидерства необходим не просто собственный (в смысле доморощенный) социальный проект, а проект более привлекательный и совершенный, чем европейский, *проект-вызов*. Такой проект нельзя просто придумать (выдвинуть, принять) как концепцию, он возможен только как социальная реальность. Но сегодня не видно признаков того, что в элитах существует какая-либо *реальная* социальная практика или *реальные* социальные ценности, которые можно противопоставить западным версиям демократии, прав личности, гражданского общества.

Простое же движение России к демократии (без особой социальной самоидентификации) является сближением с европейской цивилизацией и одновременным сворачиванием собственного цивилизационного (интеграционного) влияния. В силу этого в России политический водораздел проходит не между «левыми»

и «правыми», а по цивилизационному признаку. Казалось бы, нейтральная к геополитике борьба за демократию в России ставит ее сторонников в позицию «цивилизационных пораженцев», борцов против постсоветской интеграции, против «имперского сознания», против патриотизма, хотя любое цивилизационное сознание, к примеру европейское, также является экспансионистским. Соответственно, патриоты, государственники, славянофилы, евразийцы и т.д. оказываются антидемократами.

С точки зрения ценностей Россия сегодня дошла до предела роста, потому что ни православные, ни панславянские идеи не обладают достаточным универсализмом и привлекательностью для интеграции этнического и религиозного разнообразия евразийских народов. Безусловно, этими качествами обладала коммунистическая идея интернационального и справедливого общества, а сегодня ими обладает европейская идея свободы личности.

Ценности российского сознания также имеют привлекательные стороны, однако его достоинства являются продолжением его же недостатков, что, впрочем, характерно и для других сознаний. Российские ценности рождены длительным коллективистским образом жизни в условиях деспотического общества. Это привело к антииндивидуалистической, т.е. групповой, ориентации сознания, сформировало потребность в неконкурентном и глубоком межличностном общении, которая и порождает представление об особой *русской духовности*. Но эти достоинства прямо связаны и с существенным изъяном российского индивидуального сознания – оно лишено ответственности перед обществом, а ответственно только перед лично знакомыми людьми. Отсутствие гражданской компоненты сознания является причиной безразличия личности к своей общественной роли и самому обществу, становится ценностной опорой авторитаризма и коррупции, что не дает возможности построить в России эффективную социальную и экономическую систему, несмотря на то, что сама ткань неформальных межличностных отношений в обществе остается привлекательной для личности.

Из самого того факта, что ценностная система России развивалась более тысячи лет в прошлом или что сегодня она испытывает трудности, теория социогенеза не может сделать вывод о том, продолжится ли российский социогенез как самостоятельный или волеется в другие. Она лишь описывает этапность этого процесса. Социальный же результат является открытым и оказывается следствием стереотипных либо организованных устремлений индивидуальных и коллективных акторов.

Литература

- Александр Дж. С.* (2007) Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры/ Пер. с англ. М. Шуровой, под ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. № 1.
- Ахиезер А. С.* (1995) Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. № 1.
- Бурдые П.* (2007) Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя.
- Вебер М.* (2002) Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология. в 2 ч. / Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет». ч. 1.
- Вернадский Г.В.* (2002) Киевская Русь. М.: АГРАФ.

- Вишневский Р.В. (1997) Модернизационные циклы в истории России. Теория предвидения и будущее России. Материалы V Кондратьевских чтений. М.
- Гидденс Э. (1999) Социология. М.: Эдиториал.
- Гумилев Л.Н. (1998) Этногенез и биосфера Земли. М.: Ди Дик.
- Данилевский Н.Я. (1995) Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета.
- Добролюбов С.В. (2010) Теория социогенеза обществ // Социологические исследования. № 3.
- Дэвид П. (2006) Клио и экономическая теория QWERTY. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Дюркгейм Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.
- Ильин И.А. (1992) О русской интеллигенции // Интеллигенция – Власть – Народ. М.: Наука.
- Капица С.П. (2010) Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина Нон-фикшн.
- Кирдина С. Г. (2001) Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Ключевский О.В. (1993) Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. М.: Мысль.
- Кобрин В.Б. (1989) Иван Грозный. М.: Московский рабочий.
- Кондратьев Н.Д. (2002) Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения — избранные труды. М.: Экономика.
- Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Божевольнов Ю.В. (2010) Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны / Изд. 3, испр. и доп. М.: URSS.
- Лавин Н.И. (2006) Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. № 3.
- Маслоу А. (1999) Мотивация и личность. СПб.: Евразия.
- Мертон Р.К. (1966) Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс.
- Милов Л.В. (2001) Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Миллюков П.Н. (1905) Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.
- Миронов Б.Н. (2003) Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-ю изд. СПб.: Дм. Буланин.
- Модельски Дж. (2005) Эволюция глобальной политики // Полис. № 3.
- Нефедов С.А. (2005) Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. (1998) Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. Проблемы и суждения // Полис. № 2.
- Парсонс Т. (1998) Система современных обществ. М.: Аспект Пресс.
- Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. (1998) Культура как система. М.: Языки русской культуры.
- Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным (2001) / Библиотека литературы древней Руси. Том 11. СПб.: Наука.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (1999) Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. № 4.
- Раннее государство, его альтернативы и аналоги (2006) / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина и А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель.
- Седов В.В. (2003) Этногенез ранних славян // Вестник РАН. № 7.
- Тойнби А.Дж. (1990) Постижение истории. М.: Прогресс.
- Толочко П.П. (1981) Новые археологические исследования Киева (1963–1978) // Новое в археологии Киева. Киев: Наукова думка.
- Турчин П.В. (2007) Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: ЛКИ.
- Шпенглер О. (1993) Закат Европы. М.: Мысль.
- Штомпка П. (1996) Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. Ядова. М.: Аспект-пресс.
- Юнг К.Г. (2009) Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито.
- Ядов В.А. (2009) Современная социологическая теория как концептуальная база исследований российских трансформаций. Изд. второе исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х. (1971) Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2.
- Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A., Kivisild T., Churnosov M., Evseeva I., Pocheshkhova E., Boldyreva N., Yankovsky M., Balanovska E., and Villems R. (2008) Two Sources of the

- Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context // The American Journal of Human Genetics. № 82-1.
- Dobrolyubov S.V.* (2009) Theory of Society's Genesis // Social Evolution and History. № 8-1.
- Goldstone J.A.* (1991) Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA: University of California Press.
- Hellie R.* (2005) The Structure of Russian Imperial History. History and Theory. № 4.
- Tajfel H., Turner J.C.* (1986) The Social Identity Theory of Inter-group Behavior // Psychology of Inter-group Relations / Ed. by S. Worchel and L.W. Austin. Chicago: Nelson-Hall.
- Tainter J.A.* (1990) The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge University Press.
- Turchin P., Nefedov S.* (2009) Secular cycles. Princeton: Princeton University Press.